

*Кто из нас не пытался сбежать от себя?
Все, без исключения, мы это делали,
и не один раз, но возвращались к себе,
только другими, измененными. И зачастую
не могли понять, что же было главным —
перемены, которых так хотелось, или сама
решимость совершить этот поступок?*

Глава первая

Ольга Евгеньевна выбрала бледно-сиреневое платье. Нежная ткань, еле заметный мелкий рисунок, расклешенная юбка и узкий верх — все это подчеркивало ее тонкую фигуру, придавая мягкость силуэту. «К нему подойдут аметисты, — размышляла она, перебирая украшения в большой шкатулке — длинные серьги и несколько ниток бус». Найдя все требуемое, Ольга Евгеньевна уселась перед зеркалом и стала внимательно себя разглядывать. В этом занятии было что-то от медитации — поставив локти на полированный столик трюмо, она скользила взглядом по собственному отражению и отмечала все, что в суебудней от нее ускользало. Вот, например, волосы. От природы пепельные, они сейчас стали чуть светлее, но это была не седина, а просто дымка. Словно волосы выгорели на солнце. Ее кожа, тонкая, идеальная, без пятнышка, без красноты, без веснушек, оставалась такой уже много лет, только вот сегодня Ольга Евгеньевна обнаружила вдруг морщинки вокруг губ, под подбородком и — о ужас! — на лбу. На прекрасном высоком лбу, который всегда был белее и ровнее снега.

«Эти морщинки появились давно, я просто их не замечала!» — подумала она. Тот факт, что все приметы времени появились не сию минуту, а много месяцев назад, ее успокоил. К давно случившемуся положено относиться со смирением.

Больше всего Ольге Евгеньевне нравились ее глаза — в темных, но не черных ресницах большие серые глаза походили на драгоценные камни. И это было вовсе не преувеличение — ее глаза были не только большими, но и блестящими, глубокими, мерцающими в тени пушистых ресниц. «Да, глаза — это мое богатство!» — подумала Ольга Евгеньевна и почувствовала, как на смену ежедневной покорности и «примятости» приходит радостное возбуждение...

— Мама, ты все у зеркала сидишь?! — за дверью раздался резкий голос, потом шум — дверь, против обыкновения, открыли без стука. И сразу в комнату ворвалось раздражение.

— Нет, Леночка, я уже не сижу, — спохватилась Ольга Евгеньевна, — я собираюсь!

— Нет, ты можешь еще посидеть, я тебя не трогаю. Я вообще не возражаю, ты можешь сегодня хоть целый день провести в своей комнате! — Дочь Елена, открыв нараспашку дверь, тут же повернулась и ушла куда-то в глубь квартиры. Оттуда доносилось ее раздраженное бормотание.

— Лена, я уже готова идти гулять с девочками! Не переживай, поезжай по своим делам! — Ольга Евгеньевна вскочила с пуфика, на котором сидела перед зеркалом, и бросилась в детскую.

Там ее ждали близнецы Саша и Маша. Обе обожали бабушку за то, что, в отличие от матери, она никогда не кричала, не ворчала и умела петь песни на незнакомом красивом языке.

— Синьорины! Готовы ли вы предпринять путешествие в волшебные сады? — послышался голос Ольги Евгеньевны из детской. Ответом ей были восторженные возгласы внучек и раздраженные замечания дочери и зятя.

— Господи, не дай бог, девочки в школе будут потом так разговаривать! — проворчала с осуждением Лена.

Ольга Евгеньевна, подхватив внучек, весело попрощалась с дочерью:

— Леночка, мы ушли! Не волнуйся, занимайся своими делами!

На улице было тепло и солнечно. Ольга Евгеньевна почувствовала себя так легко, словно за дверями дома осталось все, что сковывало ее душу. «Господи, до чего я глупа и неблагодарна! — подумала она про себя. — У меня умная дочь, хороший зять и любимые внучки! У меня вообще замечательная жизнь...»

— Синьора, о чем вы задумались? — дернула ее за руку Маша, оторвав от размышлений.

— Вам нельзя быть такой! Вы же волшебница! — подхватила Саша.

Ольга Евгеньевна улыбнулась и повела внучек есть сырники. Была у них такая тайная традиция — угощаться горячими сырниками в маленьком кафе на углу переулка.

Ольга Евгеньевна Вяземская между тем была женщиной молодой. Ей исполнилось всего пятьдесят четыре года. История ее жизни была проста — замужество, рождение дочери, ранняя смерть мужа. Овдовев, Ольга Евгеньевна почти не поменяла распорядок жизни. Все так же воспитывала дочь, все так же зарабатывала деньги. Когда ей сочувственно кивали — мол, без мужа, все на ее плечах, — она помалкивала. О покойниках плохо не говорят, но до смерти мужа и так все было на ее плечах. И, кстати, сам супруг тоже. Дочь Елена выросла очень правильной, ни малейшего отклонения от заданных целей: школа, институт, замужество. Она и мужа выбрала под стать себе — правильного, «четкого». Ольга Евгеньевна обрадовалась, поняв, что дочь нашла свое счастье. Обрадовалась и вздохнула с некоторым облегчением. В этот момент в ее жизни происходили некие перемены, которые приятно будоражили кровь. Ольга Евгеньевна, выполняя перевод одного из сборников по вопросам международной политики, познакомилась с весьма импозантным господином, депутатом итальянского парламента. Покоренный стройным станом, серыми глазами и белоснежным лицом, он стал ухаживать за ней, совершенно позабыв о своей жгучей, полненькой жене, оставленной на родине.

— Я не могу с вами встречаться! — сказала ему застенчиво Ольга Евгеньевна, потупив глаза. — Вы женаты. Вы — католик, вы не можете развестись.

— Могу. Я — депутат и богатый человек, — прямолинейно отвечал итальянец. — Выходите за меня замуж.

— Пока еще вы женаты, — улыбалась Ольга Евгеньевна. Она, с одной стороны, пугалась южного напора, с другой стороны — влюбилась, с третьей — боялась, что скажет дочь. Лена была очень правильной и очень суровой.

Итальянец задумался, отступил, потом как бы случайно познакомил Ольгу Евгеньевну со своим родным братом.

— Где ты нашел эту роскошную северную кошку?! — Тот был покорен Ольгой Евгеньевной, ее вкрадчивыми повадками, пепельными волосами, серыми глазами.

— Я еду просить развод, — почувствовав поддержку семьи, принял решение депутат. Он умчался в Италию, наказав Ольге Евгеньевне ждать. Времени для устройства всех дел требовалось немало.

В Италию Ольга Евгеньевна позвонила через несколько месяцев. Она почти плакала, просила прощения, умоляла оставить все как есть.

— Я не смогу уехать из Москвы и оставить дочь. У нее будет двойня. Мы так ждали этого, так ждали! Но роды будут тяжелыми. Я нужна здесь.

Как ни уговаривал ее итальянский депутат подумать о будущем, обещая всех перевезти в Италию, нанять сиделок и нянь, как ни умолял, Ольга Евгеньевна оказалась непреклонна.

— Я люблю тебя. Но ты такая русская, такая упрямая! — сетовал депутат горестно. Они еще немного повстречались, попереписывались, а потом пришло время выхаживать внучек, и Ольга Евгеньевна позабыла обо всем на свете. Так пролетело пять лет. За это время она ни разу не посмотрела ни на одного мужчину, те иногда бросали взоры на изящную даму, но внучки, повисшие на ее руках, явно были грузом, который потянут не все. Ольга Евгеньевна всегда была «в форме»: с прической, хорошо одета — никаких случайных кроссовок, стоптанных туфель или старых курток. Губы накрашены нежным перламутром — она осталась верна любимой помаде, хотя визажисты и утверждали, что перламутр — помада молодых. Ольга Евгеньевна за собой следила, но в этом не было готовности к романам, к встречам, к неожиданному счастью. Эта мобилизация женских сил объяснялась, скорее всего, дисциплиной.

Вот и сейчас в кафе она сидела в кремовой блузке, в строгих брюках, словно не бабушка малолетних внучек, а дама, зашедшая выпить в спокойном одиночестве привычную чашку кофе.

— Ба, а куда ты сегодня идешь? Мама сказала, что ты уходишь гулять, — спросила внезапно Маша, размазывая малину по теплomu сырнику.

— Я иду встречаться с подругами.

— А у тебя есть подруги? — удивилась вторая девочка. — Мы их никогда не видели

— Есть. Только мы не очень часто встречаемся.

— Почему?

— Ну, — ответила Ольга Евгеньевна, — у взрослых столько дел, что времени иногда не хватает.

Она хотела добавить что-то еще, но раздумала — сидящие перед ней пятилетние кокетки еще ничего не знали о трудностях зрелого возраста.

Уезжала она в шесть часов. Девочки под присмотром матери писали буквы. Лена строго следила, чтобы обстановка в детской была как на уроке.

— Пока все не сделаете, играть не разрешу.

Ольга Евгеньевна, нарядная, в тонком платье, с маленьким жакетиком в руках и сумочкой, вошла попрощаться.

— Бабушка! Ты такая красивая! — закричали внучки и вскочили со своих мест, забыв наказ матери.

— Ты — как та самая герцогиня из замка! Которая на лошади проскакала всю ночь! — Маша трогала тонкое платье и шумно вдыхала аромат духов.

— Мама, мы занимаемся, — ледяным голосом напомнила дочь.

— Да, девочки, да, возвращайтесь за свои столики. — Ольга Евгеньевна поцеловала вну-

чек и, обращаясь к дочери, спросила: — Как я выгляжу?

— Нормально, — пожала плечами та, — только волосы давно надо отрезать. Нелепый старческий кукиш на макушке.

— Ну, отрежу, отрежу, — поторопилась сказать Ольга Евгеньевна, она очень боялась, что дочери все-таки удастся испортить ей настроение.

— Ты только говоришь, — безжалостно продолжила та, — и ничего не делаешь, чтобы молодо выглядеть.

— Дочка, мне всего пятьдесят. С небольшим, — напомнила мать.

— И что? Зрелый возраст, который еще вполне можно замаскировать, — парировала дочь.

Ольга Евгеньевна вышла из детской. Оказавшись на улице, она улыбнулась, постаравшись забыть о резкости дочери. «У меня все отлично!» — сказала Ольга Евгеньевна сама себе. И действительно, на ней было красивое платье, ее ждал отличный вечер, и ей было чем похвастаться перед старинными подругами — у нее первой появились внуки. Более того, это были внучки, красивые девочки, кокетливые и смышленные не по годам.

Подруги встречались редко — раз в несколько лет. Они переписывались, созванивались, были в курсе дел друг друга и при необходимости приходили друг другу на помощь. Но вот

встречи, обстоятельные, долгие, с разговорами за полночь — такое случалось нечасто, а потому было для них событием, занимающим особое место в душе. Они не были одноклассницами, не были институтскими подругами, не работали вместе. Жизнь их столкнула в непростой для каждой момент, и каждая повела себя порядочно и преданно, а потому сохранились эти чувства — чувства благодарности, доверия и откровенности. Оказалось, что для крепкой женской дружбы этого достаточно. И теперь, как бы и когда бы подруги ни встретились, они понимали друг друга с полуслова, лишнего не спрашивали, но, если была нужда, выслушивали внимательно и помогали по-настоящему.

На этот раз, невзирая на все контрдоводы «да что мы стеснять тебя будем» и «мы твоей семье все выходные испортим!» — Лопахина затащила подруг к себе.

— Девочки, решено, собираемся у меня! Даже не хочу ничего слушать, в пять часов жду. Я даже вас встретить могу. Одним словом, ждите от меня известий.

Лопахина лукавила — она приготовила подругам сюрприз, но раскрывать его было еще рано. Подруги не устояли под напором и согласились.

А два дня назад Зинаида Алексеевна заехала в знакомый ресторан, чтобы сделать заказ. Времени для приготовления ужина у нее было немного — на работе ожидался аврал, а потому